

Двадцать шесть и одна — эпизод 6 из 7

Таню знаешь?

Ну?

Ну и вот! Попробуй...

Я?

Ты!

Ее? Это мне тьфу!

Поглядим!

Увидишь! Х-ха!

Она тебя...

Месяц сроку!

Экий ты хвальбишка, солдат!

Две недели! Я покажу! Кто такая? Танька! Тьфу!..

Ну, пошел прочь... мешаешь!

Две недели и готово! Ах ты...

Пошел, говорю!

Наш пекарь вдруг осwirепел и замахнулся лопатой. Солдат удивленно попятился от него, посмотрел на нас, помолчал и, тихо, зловеще сказав: Хорошо же! ушел от нас.

Во время спора мы все молчали, заинтересованные им. Но когда солдат ушел, среди нас поднялся оживленный, громкий говор и шум.

Кто-то крикнул пекарю:

Не дело ты затеял, Павел!

Работай, знай! свирепо ответил пекарь.

Мы чувствовали, что солдат задет за живое и что Тане грозит опасность. Мы чувствовали это, и в то же время всех нас охватило жгучее, приятное нам любопытство что будет? Устоит ли Таня против солдата? И почти все уверенно кричали:

Танька? Она устоит! Ее голыми руками не возьмешь!

Нам страшно хотелось испробовать крепость нашего божка; мы напряженно доказывали друг другу, что наш божок крепкий божок и выйдет победителем из этого столкновения. Нам, наконец, стало казаться, что мы мало раззадорили солдата, что он забудет о споре и что нам нужно хорошенько разбередить его самолюбие. Мы с этого дня начали жить какой-то особенной, напряженно нервной жизнью, так еще не жили мы. Мы целые дни спорили друг с другом, как-то поумнели все, стали больше и лучше говорить. Нам

казалось, что мы играем в какую-то игру с чертом и ставка с нашей стороны Таня. И когда мы узнали от булочников, что солдат начал приударять за нашей Танькой, нам сделалось жутко хорошо и до того любопытно жить, что мы даже не заметили, как хозяин, пользуясь нашим возбуждением, набавил нам работы на четырнадцать пудов теста в сутки. Мы как будто даже и не уставали от работы. Имя Тани целый день не сходило у нас с языка. И каждое утро мы ждали ее с каким-то особенным нетерпением. Иногда нам представлялось, что она войдет к нам, и уже это будет не та, прежняя Таня, а какая-то другая.

Мы, однако, ничего не говорили ей о происшедшем споре. Ни о чем не спрашивали ее и по-прежнему относились к ней любовно и хорошо. Но уже в это отношение вкралось что-то новое и чуждое прежним нашим чувствам к Тане и это новое было острым любопытством, острым и холодным, как стальной нож...

Братцы! Сегодня срок! сказал однажды утром пекарь, становясь к работе. Мы хорошо знали это и без его напоминания, но все-таки встрепенулись. Глядите на нее... сейчас придет! предложил пекарь.

Кто-то с сожалением воскликнул:

Да ведь разве глазами что увидишь!

И снова между нами разгорелся живой, шумный спор. Сегодня мы узнаем наконец, насколько чист и недоступен для грязи тот сосуд, в который мы вложили наше лучшее. В это утро мы как-то сразу и впервые почувствовали, что действительно играем большую игру, что эта проба чистоты нашего божка может уничтожить его для нас. Мы все эти дни слышали, что солдат упорно и неотвязно преследует Таню, но почему-то никто из нас не спросил ее, как она относится к нему? А она продолжала аккуратно каждое утро являться к нам за крендельками и была все такая же, как всегда.

И в этот день мы скоро услышали ее голос.

Арестантики! Я пришла...

Мы поторопились впустить ее, и когда она вошла, то, против обыкновения, встретили ее молчанием. Глядя на нее во все глаза, мы не знали, о чем нам говорить с ней, о чем спросить ее. И стояли мы пред нею темной, молчаливой толпой. Она, видимо, удивилась непривычной для нее встрече, и вдруг мы увидели, что она побледнела, забеспокоилась, как-то завожилась на месте и сдавленным голосом спросила:

Что это вы... какие?

А ты? угрюмо бросил ей пекарь, не сводя с нее глаз.

Что я?

Н-ничего...

Ну, давайте скорее крендельки...

Никогда раньше она не торопила нас...

Поспеешь! сказал пекарь, не двигаясь и не отрывая глаз от ее лица.

Тогда она вдруг повернулась и исчезла в двери. Пекарь взялся за лопату и спокойно молвил, отворотясь к печке:

Значит готово!.. Ай да солдат!.. Подлец!..

Мы, как стадо баранов, толкая друг друга, пошли к столу, молча уселись и вяло начали работать. Вскоре кто-то сказал:

А может, еще...